

Р. С. Вы спрашиваете, какими материалами я пользовался, создавая свою повесть. Она прежде всего создана на базе всего, что когда-либо было в печати о Булгакове, на базе его произведений автобиографического характера. Наконец мне удалось познакомиться с некоторыми архивными материалами Терского казачьего войска за 1919—20 годы, с газетами, которые издавались при белых на Северном Кавказе и в Закавказье.

г. Туапсе.
3/ХІІ — 80 г.

Уважаемый Девлет Азаматович!

Большое Вам спасибо за такое теплое письмо, оно согрело мою старость. Ваша книга с дарственной надписью для меня — очень большой подарок. Конечно, кое-какие неточности Вы допустили, но... это ведь неважно — писатель имеет право на творческое отношение к материалу.

Но главное, что в Вашей книге ценно: Вы очень верно передали внутренний мир Михаила того времени: его страстное желание понять верно события, его готовность быть полезным народу, его ненависть к обывательщине, ко всякого рода невеждам, которые, прикрываясь громкими фразами, готовы были расправиться с культурой прошлого.

На диспуте я присутствовала и помню выражение лица Миши — ведь по его глазам, по его чуть побелевшему лицу я поняла, что ему стоило не ответить резкостью «ниспровергателью» Пушкина. Вы очень верно в основном передали атмосферу диспута, слушателей.

Во время болезни Михаила Афанасьевича я за ним ухаживала, но в нашей судьбе принимали участие люди, указанные Вами.

Я была в курсе всех его литературных замыслов. Первые произведения, написанные им во Владикавказе (Вы о них упоминаете), он мне читал. Он обыкновенно говорил: «Тасенька, ты мой домашний критик».

В Никольском (на Смоленщине) Михаил Афанасьевич был земским врачом. Ему приходилось все делать: даже роды принимать. Помню, как сейчас, холодный зимний вечер. Мы уселись у печурки, которая плохо обогревала нашу большую полупустую комнату, тусклый свет лампы.

Вдруг сильный стук в ставень (мы к этому привыкли, его часто ночью тревожили), но на сей раз посетитель привлек наше внимание тем, что у него слезы были в глазах, говорил он срывающимся голосом: «Дохтур, женка умирает, помогите!». Михаил быстро оделся, но я не хотела оставаться одна в полупустой квартире, упросила его взять меня с собой. Женщину и ее первенца Михаил спас. (Я помогала тем, что в книге «Акушерство и гинекология» по указанию Михаила нашла нужную главу и читала ему, а он все делал, что требовалось в этом тяжелом случае.) Какова была наша радость, когда к утру мы услышали крик новорожденного и увидели слабую улыбку матери.

Что Вам писать о наших отношениях? Не знаю, интересно ли это Вам. Но... Очень хочется мне сказать Вам то, что никому не говорила (из гордости, может, боясь быть плохо понятой), но я старый человек, и по Вашей книге поняла, что Вам близок и понятен Булгаков как человек и писатель. И вот Вам я скажу и прошу меня правильно понять. Ближе меня никого у него не было. И в разрыве с ним я сама виновата, по молодости я не могла простить ему увлечения (кстати, кратковременного) другой женщиной.

Как сейчас помню его просящие глаза, ласковый голос: «Тасенька, прости, я все равно должен быть с тобой. Пойми, ты для меня самый близкий человек!». Но... уязвленное самолюбие, гордость и... я его, можно сказать, сама отдала другой женщине. И уже будучи с другой, он и в трудные минуты приходил ко мне.

В Москве ему трудно жилось. Ведь его донимали всякие «критиканы», ругали. И он обратился с письмом к И. В. Сталину. Сталин через своего секретаря